

Тезисы к январской сессии

1. В рамках заданий по плановой теме: обработка личного фонда А.П.Купайгородской. Обнаруженный в составе фонда автограф – Воспоминания бывшего гвардейца Лейб-Егерского полка, участника боёв первой мировой, а затем военкома 6-й дивизии 7-й армии РККА С.А. Смирнова "Выросли мы в пламени": источниковедческий обзор, сравнение авторской рукописи с опубликованной версией, прошедшей цензуру.
2. Первый мой подход к этому источнику – доклад на Пярых Блюмовских чтениях. Сравнение оригинальной рукописи (Смирнов 1960-1965), отредактированной рукописи (Купайгородская 1970) и опубликованного текста (Лениздат 1976) позволило выявить сам факт цензурирования текста при публикации, а также наглядно показать политизированный (не научный и не литературный) характер и направленность этих исправлений.
3. Второй подход к тексту - выявление конкретных тем и сюжетов воспоминаний, ставших объектом цензурирования.
Это темы:
 - "бескровный Февраль",
 - подконтрольность солдатских масс, их настроений и действий партийным организациям (в первую очередь большевистской),
 - "мирный характер" июльского мятежа 1917 г. в Петрограде,
 - общепризнанность и единоличность авторитета Ленина,
 - отсутствие организованного массового сопротивления Октябрьскому перевороту 1917 г.,
 - "отсутствие" черносотенцев в 1917 г. в Петрограде,
 - сохранение большевиками контроля над событиями и управляемость всех социальных процессов,
 - "отсутствие" конфликтов между политическими силами- участниками Октябрьского переворота (в частности, между большевиками и анархистами),
 - отсутствие институционального "каркаса" обеспечения деятельности Советской власти (только народ под руководством партии большевиков),
 - умолчание об аналогичном "каркасе" для организации Красной армии (костяк из опытных кадров, в том числе офицеров среднего и высшего рангов),
 - упрощение и приписывание высокой коммунистической мотивации солдат, поддержавших Советскую власть (в том числе умолчание о признаках и проявлениях Esprit de Corps),и т.д.
Общая тенденция цензурных изменений, внесённых в текст источника - "сглаживание" наблюдений и высказываний, свидетельствующих о стихийности и разнонаправленности ряда процессов, упрощение повествования, выстраивание монополярного партийного нарратива.
4. Более детально сосредоточиться счёл возможным (опираясь на опыт предыдущего направления поисков) на сюжете о черносотенцах в Петрограде осенью 1917 г. В авторской рукописи есть фрагмент, почти целиком урезанный при публикации. Речь идёт о вооружённом разгоне гвардейцами-егерями, находившимися на службе Советской власти, массовой антисоветской демонстрации под знамёнами РН СМА (символику эту мемуарист уверенно опознал и описывал). В опубликованном варианте политическая принадлежность этой демонстрации и ее состав стали фигурой умолчания.

Тезисы доклада

Региональные и общесоюзные властные структуры в СССР в 1940-е – 1970-е годы: внутренние проблемы и трансформации.

Основным направлением исследовательской работы было изучение одного из аспектов политической истории СССР, а именно – эволюции системы управления страной в 1940-1970-е гг. Главное внимание было уделено изучению партийного аппарата, его роли во властной конструкции СССР, взаимодействия с различными структурными элементами властной конструкции, изменению его задач и полномочий.

Хотя в ходе исследовательской работы рассматривались вопросы функционирования центральных (общесоюзных) органов власти и управления, приоритет был отдан изучению региональных структур Ленинграда. Это обусловлено не только доступностью архивных источников, но и, главным образом, тем, что процессы, происходившие в регионе, наиболее ярко демонстрировали тенденции, характерные для большинства регионов СССР.

Также отдельным направлением исследования было изучение и выработка методологии анализа источников по истории системы управления СССР в 1940-е – 1970-е гг.

Основные вопросы, которые требовали (и по-прежнему требуют) изучения на данном этапе, можно сформулировать следующим образом:

- как формировалась властная конструкция, которая функционировала в СССР до конца 1980-х годов?
- каковы были ее основные, «родовые черты» и что в ней менялось под влиянием политических, экономических, социальных и иных вызовов в различные периоды времени?
- что препятствовало реализации иных путей развития системы власти, если таковые вообще были возможны?

Для изучения общей проблемы чрезвычайно важным является исследование опыта ленинградского регионального управления периода блокады и первых послевоенных лет. Это обусловлено тем, что в результате уникальной ситуации периода Великой Отечественной войны в Ленинграде сформировались практики управления, отличавшиеся от других регионов «сталинского периода». Именно оно широко распространилось после середины 1950-х гг. почти на всей территории СССР. В первую очередь, речь идет о руководящей роли местного партаппарата, который стремился контролировать деятельность всех структур региона: советских органов, предприятий, учреждений и организаций центрального подчинения, местных подразделений правоохранительных органов и спецслужб. При этом именно местное партийное руководство несло ответственность перед Центром за состояние дел в регионе, и значительная часть информационных коммуникаций с Москвой также проходила через него. Практики регионального управления, сложившиеся в Ленинграде в блокадный период, были результатом модификации и приспособления сталинской системы в быстро меняющихся военных условиях.

Успеху этих новых подходов способствовала стабильность кадрового состава управленческого корпуса региона. Как было доказано на основании проведенных исследований, управленческий корпус Ленинграда оставался практически неизменным на протяжении блокады, а количество руководителей, пришедших «со стороны», не превышало 1-2%, что разительно отличалось от других регионов.

Один из важных вопросов сводится к тому, отражала ли практика повышения роли регионального партийного аппарата в общей системе управления объективные тенденции, связанные с модернизацией послевоенного периода. Именно этот процесс привёл к

усложнению управленческой системы страны. Как представляется, ответ на тот вопрос должен быть положительным.

Попытки распространения этих практик в общесоюзных масштабах, предпринятые в 1946-1948 гг., вызвали конфликт с принципами единоличного управления, что явилось, в свою очередь, причиной чисток и репрессий (т.н. «ленинградское дело»).

Вместе с тем, существование объективных тенденций усложнения системы управления привело к тому, что непосредственно после смерти И.В. Сталина партаппарат смог выиграть в борьбе за лидерство с государственными структурами (как в июне 1953 г. при смещении Л.П. Берии, так в 1955 г. при смещении Г.М. Маленкова с поста председателя СМ СССР). Достаточно ярко настроения региональных партруководителей проявлялись в моменты внутривластных кризисов в июне 1957 г. (борьба с «антипартийной группой») и в октябре 1964 г. (смещение Н.С. Хрущева).

С конца 1960-х гг. сложившаяся система управления, несмотря на то стала удобной и привычной для значительной части элитных групп, начала испытывать трудности под давлением стремительно меняющихся условий, как внутривластных, так и внешнеполитических. Об этом свидетельствуют источники, введенные в научный оборот в 2020 г., в частности, т.н. «рабочие записи Секретариата ЦК КПСС», изучение которых также находилось в сфере научных интересов. Неспособность выделять важнейшие стратегические вызовы и определять направление необходимых изменений, бюрократическая волокита, «ручное управление» при решении даже небольших по значимости вопросов привели к нарастанию кризисных явлений в управленческой структуре.

«Дело новгородского музея»

В Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится многотомное дело 1933 г. «Контрреволюционная организация "Российское студенческое христианское движение" – филиал белоэмигрантской организации РСХД». Его неофициальное название – «Дело новгородского музея». Для Новгорода оно является, своего рода, аналогом ленинградского «Академического дела» 1929–1931 гг. И если «Дело академиков» уже введено исследователями в научный оборот, то процесс рассекречивания «Дела новгородского музея» на настоящий момент (2020 год) еще далек от завершения.

Наибольший интерес в документах дела представляет как видение ими состояния музейной работы в Новгороде в начале 30-х годов XX века, так и идеи, связанные с его дальнейшим развитием, причем их высказывали люди, находящиеся под арестом.

Согласно обвинительному заключению из данного дела (лето 1932 г.), «на основе установок заграничного центра РСХД Ленинградское РСХД поставило перед собой следующую задачу: расширение деятельности за пределы города Ленинграда. Первым пунктом организации ячейки РСХД был намечен город Новгород, где среди научных работников Новгородских музеев была для этого питательная почва».

Отсутствие крупной промышленности и планов по её развитию делали город, с точки зрения центральных властей, непривлекательным и бесперспективным. Его историко-туристический потенциал тогда властями серьезно не рассматривался, хотя здесь функционировало несколько музеев. Например, в Софийском соборе XI века находился Антирелигиозный музей. В этих научно-образовательных учреждениях работали специалисты, получившие образование как до 1917 года, так и после него, как профессионально относившиеся к своей деятельности, так и не считающие музейное дело чем-то важным и необходимым.

В 1929 году в СССР произошел фактический отказ от Новой экономической политики. Радикальные изменения стали происходить не только в экономике, но и в культуре и искусстве. Время относительного плюрализма мнений уходило в прошлое.

Всего по делу Новгородского филиала РСХД проходило 12 человек. Большинство из них являлось работниками местных музеев. Их обвиняли по 58 й статье УК РСФСР в «контрреволюционной деятельности»: «...антисоветская организация противодействия антирелигиозной работе, охрана неприкосновенности церквей и бывших помещичьих усадеб под предлогом, что они имеют художественно-историческую ценность, в целях сохранения их в расчёте на реставрацию монархического строя».

В музейной работе протаскивались религиозно-идеологические установки, велась систематическая контрреволюционная агитация против коллективизации». В немалой степени претензии к сотрудникам новгородских музеев со стороны властей заключались в их «неправильном» социальном происхождении: из дворян, из священнослужителей, купцов и т. д. Т. е. они воспринимались как «попутчики».

Одним из самых болезненных для музейных работников в это время являлся вопрос о сохранении культовых зданий как памятников архитектуры. В новых условиях их предполагалось использовать для различных хозяйственных нужд. Любые слова и заявления в их защиту рассматривались властями как потакание религии и церковникам.

В протоколах допросов встречаются фамилии хорошо известных тогда людей: ученых, музейных работников, художников, врачей.

«Дело новгородского музея» – важный источник по истории нашей страны в 30-х годах XX века.

Преступления нацистов против мирного населения Ленинградской области: опыт проекта “Без срока давности”

Историография Битвы за Ленинград достаточно обширна, но военные преступления оккупантов в Ленинградской области (на момент освобождения от оккупации область включала Новгород и Псков) пока изучены недостаточно. Почему оккупанты совершали военные преступления? Кем были их жертвы? Как и где их уничтожали? Кем были убийцы? Кого из них судили? Эти вопросы лишь частично поднимались в историографии. Пока еще мало историков обратились к изучению отдельных категорий жертв: евреи, цыгане, пациенты психиатрических клиник, инвалиды. Изучены лишь отдельные суды над военными преступниками, но эта информация о возмездии разобщена и не сведена в единое исследование. Попыткой заполнить часть лакун стал издательский проект “Без срока давности” (среди членов редколлегии серии - в.н.с. СПб ИИ РАН Б.Н. Ковалев). Цель проекта - системное издание документов о военных преступлениях на оккупированной территории РСФСР. В ноябре 2020 года все 23 тома проекта были представлены в Музее Победы, включая том по Ленинградской области. Также создана электронная база этих документов.

Сборник по Ленинградской области открывается научной статьей Д.Ю. Асташкина о преступлениях нацистов против мирного населения Ленинградской области. В статье автор анализирует степень изученности проблемы и значение нового издания документов, указывает особенности административно-территориального деления оккупированной территории региона. В статье изучены органы административного управления оккупированной территорией региона (включая структуры, осуществлявшие карательные функции), исследована проблема привлечения военных преступников к ответственности

Основа сборника - документы (с археографическим предисловием) из ГАРФ, архивов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, из архивных отделов районных администраций. Также опубликованы рассекреченные документы из фондов архивов ФСБ (например, донесения подпольщиков о конкретных преступлениях). По этим источникам можно проследить весь спектр военных преступлений оккупантов: принудительные работы, голод, грабежи, угон населения в рабство, побои, пытки, расстрелы, и, конечно же, карательные акции. Представленные документы взаимно дополняют друг друга, показывая оккупацию и военные преступления глазами разных людей – и оккупантов, и советских жителей, и партизан, и коллаборационистов.

При подготовке сборника не стояла задача представить такую категорию жертв как советские военнопленные. Но в тех случаях, когда мирные граждане заключались в лагерь для военнопленных, документы об этих лагерях и их жертвах тоже помещены в сборник. Кроме того, опубликованы документы и о самих лагерях для мирных жителей, где они работали в бесчеловечных условиях.

Широко представлены в сборнике акты ЧГК по Ленинградской области. Да, акты районных и городских комиссий уже знакомы исследователям. Но в сборник вошли локальные акты комиссий сельсоветов, ранее не изданные в своей массе. В них собрана информация о преступлениях на этой территории, процитированы свидетельства очевидцев и данные эксгумаций. Конечно, члены ЧГК не всегда могли из-за нехватки времени и ресурсов выявить все преступления и все жертвы, поэтому их данные нуждаются в уточнении, что и показали дальнейшие расследования КГБ в 1960-х годах. В 2019-2020 годах СК РФ на базе документов ЧГК начал новые расследования.

Часть документов касается уничтожения нацистами душевнобольных в больнице имени Кащенко, которая располагалась на территории Гатчинского района. 20 ноября 1941 года оккупационные власти приняли решение уничтожить больных и медперсонал, в том числе и главного врача больницы.

Знаковое место в сборнике занимают фотодокументы. Например, снимки, сделанные по кровавым и обугленным «следам» оккупации. Они не только становятся эмоциональной иллюстрацией, но и несут в себе новое визуальное знание.

Опубликованы в сборнике и оккупационные документы. Например, деловые, почти бухгалтерские, отчеты о карательных акциях. Другой пример - тезисы речи коменданта Вырицы, произнесенной 22 июня 1943 года, к годовщине «освобождения» России от большевизма. Вот лишь один пассаж из нее: “Германская власть жалеет гражданское население, защищает женщин, детей и стремится облегчить их бедственное состояние”. Эта речь звучала в той самой Вырице, где осенью 1941 года были уничтожены все еврейские женщины и дети. В той самой Вырице, где с лета 1942 по ноябрь 1943 года действовал детский лагерь принудительного труда. Потом, в 1985 году, в Вырице перезахоронили детские останки и установили стелу с надписью: “Детям Ленинградской земли, погибшим от рук немецко-фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.”...

Сопоставляя и анализируя неприметные на первый взгляд документы - читатель сборника на малых примерах может понять масштабное зло нацизма.

Инославные христианские общины на Северо-Западе России

В ходе работы изучались источники и литература по плановой теме. К сожалению, в силу карантинных ограничений и закрытия на несколько месяцев архивов и библиотек полностью завершить работу по сбору материала в планируемые сроки не удалось. Приходится заканчивать сбор материала параллельно с написанием текста работы.

В ходе работы удалось выяснить следующие моменты. Российский Северо-Запад, прежде всего город Санкт-Петербург и территория одноименной губернии, традиционно был регионом, в котором среди российских европейских регионов (именно российских, не считая Прибалтийского, «Привислинского» краев и литовской части Северо-Западного края) численность и удельный вес «инославного» населения были одними из самых высоких. Лютеранские общины начали складываться здесь еще в XVII в., в период шведского владычества в Ингерманландии. В XIX в. к ним добавлялись переселенцы из Великого княжества Финляндского, немецкие, эстонские, латышские колонисты. В Петербурге с первых лет основания города имела также достаточно многочисленная католическая община, в дальнейшем католические храмы были основаны в некоторых городах Петербургской и соседних губерний. Со второй половины XIX в. в Россию, в т. ч. на Северо-Запад, проникает влияние т. н. свободно-церковного движения (общины баптистов, евангелистов, методистов, адвентистов, позднее также пятидесятников). Их влияние продвигалось по двум направлениям: 1) с юга России и из Поволжья из немецких и прочих европейских колоний; 2) через петербургские великосветские салоны.

Положение протестантских общин в России в целом, в т. ч. на Северо-Западе, было заметно облегчено благодаря изданию манифеста об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г., а также законодательных преобразований осени того же года. Права протестантских организаций были существенно расширены, были сняты прежние юридические ограничения. Некоторые новые сложности в их деятельности появились в период т. н. политической реакции начала 1910-х гг. и затем во время мировой войны. Последнее обстоятельство было отчасти связано с тем, что деятельность свободных общин, как и лютеранской церкви, ассоциировалась в глазах властей и патриотически-консервативного общественного мнения с немецким влиянием. Положение протестантских общин вновь изменилось в лучшую сторону после февральско-мартовских событий 1917 г. Период весны-лета 1917 г. можно считать наиболее благоприятным временем для существования протестантских общин.

Установление советской власти для неправославных общин имело неоднозначные последствия. С одной стороны, в целом негативное отношение лидеров РСДРП (б) к религии и церкви, атеизм большевистской идеологии, ограничения, наложенные декретом СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 30 января (12 февраля) 1918 г. не могли не сказаться отрицательно и на положении протестантов. С другой стороны, лютеранская церковь и особенно свободные протестантские общины не обладали столь обширным недвижимым и движимым имуществом, как Православная церковь, имущественные потери были для них не столь болезненными. Антирелигиозные репрессии первых лет советской власти были направлены в основном против РПЦ как бывшей государственной церкви и якобы оплота старого режима. В то же время, последователи других деноминаций были уравнены в правах с православными. К неправославным общинам отношение было более терпимым, атеистическая пропаганда среди них велась не столь активно, запрет на преподавание религиозных предметов соблюдался не так строго, и до конца 1920-х гг. они могли себя чувствовать относительно свободно. Трудности, переживаемые, в частности, лютеранскими приходами, имели в основном объективный характер в силу отъезда значительной части пасторов за пределы России. В условиях определенного духовного вакуума при ослаблении влияния православной и лютеранской церквей в северо-западных губерниях в 1920-е гг. особенно активно росло влияние

свободных общин и сект. Несколько труднее пришлось римско-католическим приходам и священнослужителям в силу крайне сложных отношений Советской России / СССР с Польше и Ватиканом (можно вспомнить в этой связи арест католического митрополита Э. Роппа и «процесс ксендзов» в марте 1923 г.). К середине 1920-х гг. отношение к католической церкви стало, впрочем, несколько более либеральным.

Началом нового этапа в советской антирелигиозной политике стал рубеж 1920-х – 1930-х гг. Был взят курс на ускорение построения социалистического общества, в котором не оставалось места «пережиткам прошлого», к которым были отнесены религия и церковь. Новое наступление на религию, инициированное с этого периода, имело уже тотальный характер и было направлено не только против РПЦ, но и против религии в целом. На протяжении 1930-х гг. осуществлялся разгром всех религиозных общин и организаций. Подробности этого процесса будут изучаться в дальнейшем.

Аугустас Вольдемарас и литовско-советские отношения второй половины 1920-х гг.

Политика СССР в отношении Литвы к середине 1920-х гг. обуславливалась несколькими факторами, среди которых важнейшую роль играло стремление советской стороны не допустить формирования единого блока лимитрофов, в котором ведущая роль с неизбежностью оказалась бы у Польши. Польско-литовский конфликт в вопросе о принадлежности Виленского края создавал определенные предпосылки для успешной реализации данной цели. Из этого, как следствие, вытекала необходимость поддержки Литвы «по всем важнейшим вопросам литовской политики», так как считалось, что в противном случае Литва попадет под влияние Польши.

Осуществленный националистически настроенными военными во главе с полковником Плехавичюсом в декабре 1926 г. государственный переворот привел к власти Союз литовских националистов (таутининков) и его лидеров – А. Сметону и А. Вольдемараса, последний занял пост министра-президента и фактически определял вплоть до сентября 1929 г. внешнеполитический курс Литвы. Глава советской дипломатической миссии в Каунасе А.А. Александровский оказался в полном неведении как в отношении подготовки переворота, так и расстановки внутривнутриполитических сил в Литве после переворота. Более того, он оказался неспособен предложить своему руководству линию поведения в отношении Литвы в новой ситуации. Итогом стала его отставка с поста полпреда.

В Москве негативная реакция в отношении правительства Вольдемараса обуславливалась не открыто декларируемой литовскими властями борьбой с большевизмом, а тем, что в качестве инструмента решения Виленской проблемы Вольдемарасом была избрана тактика создания напряженности не только в литовско-польских, но и в советско-польских отношениях, при этом расчет делался на создание ситуации опасной вооруженным конфликтом, одним из участников которой стал бы и СССР, а результатом – возникновение новых восточноевропейских государств, в том числе и Украины.

Тактика советской дипломатии сводилась к нивелированию шантажа со стороны Вальдемараса, стремлению к снятию противоречий с Польшей в вопросах, касающихся востока Балтики, негласной поддержке президента Сметоны, политического конкурента Вольдемараса.

Организация государственного хлебопечения в СССР в годы первой пятилетки (1928–1932)

На рубеже 1920-х–1930-х гг. печеный хлеб занимал ведущее место в питании рабочего населения СССР, поэтому организации хлебопечения придавалось государственное значение. В условиях действия карточной системы снабжения (с 1929 до 1935 гг.) установки руководства страны сводились к тому, что разумное и экономное расходование хлебных ресурсов может достигаться лишь при мощном общественном хлебопечении и плановом обслуживании торговой сети.

5 июня 1930 г. НК РКК СССР, ВСНХ СССР и НКТ СССР приняли совместное постановление «О расширении механизации хлебопечения в СССР», на основе которого развернулось строительство заводов по проекту Г. Марсакова. Началось производство в СССР хлебопекарного оборудования, до того ввозившегося исключительно из-за границы. Для подготовки специализированных кадров расширялись хлебопекарные факультеты и отделения Института зерна и московского Политехникума им. Ленина, в крупных городах создавались новые учебные заведения для подготовки специалистов-технологов.

Почти полным монополистом на рынке печеного хлеба стала потребительская кооперация, предприятия которой переводились на изготовление определенных сортов хлеба, преимущественного весового. К началу 1930-х гг. были выработаны методы определения припека и критерии отнесения продукции к браку, обязательные для пекарен. Постановлениями СНК РСФСР от 13 мая 1927 г. и 25 сентября 1928 г. устанавливалась ответственность производителей за несоблюдение стандартов на муку и на печеный хлеб.

Однако трудности заготовительных кампаний, дефицит сырья служили причиной того, что законодательно установленные нормы предприятиями хлебопекарной промышленности не соблюдались. Пекарням, закрывавшимся торговой инспекцией из-за антисанитарии, местные власти разрешали работу ввиду необходимости централизованного снабжения хлебом закрытых распределителей и рабочих кооперативов. Качество хлеба, определявшееся преимущественно по внешним признакам, оставалось низким. Производственный брак поступал в переработку для вторичного использования или понижался в сортности и продавался потребителям.

Ленинградский обком КПСС в 1960-1980-х гг.: выборы и результаты

В современной историографии проблема выборов в СССР не относится к числу ведущих, в частности по причине стойкого убеждения в наличии существенного контроля над выборами со стороны партийных органов. Однако внимательное изучение этого вопроса позволяет выявить критерии и различные способы формирования властных и управленческих органов, степень предопределённости результатов выборов, что существенно расширяет знание об организации и функционировании власти и управления в Советском Союзе. В докладе эти вопросы рассматриваются на примере выборов в ленинградский обком КПСС и его результатов в 1961, 1963 (промышленный обком), 1964, 1976, 1979 и 1981 годах.

Ряд критериев вмешательства партийного аппарата в процесс выборов руководящих партийных органов областного уровня сформулировал начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов в 1948 году. К ним относились: контроль над количественным составом кандидатов в обком или крайком, представительство в нём 10–15% рабочих и 15–20% женщин, обязательное присутствие в руководящем комитете колхозников, военных, работников науки, искусства и просвещения. В Уставе КПСС 1961 года содержалось требование об обновлении персонального состава обкома не менее чем на треть.

На всех изученных партийных конференциях, кроме одной, в состав обкома было выдвинуто заранее определённое количество кандидатов. В 1961 году в результате технической ошибки один из намеченных обкомом кандидатов не попал в предлагаемый список. Конференция согласилась с увеличением состава комитета на одного человека, вместо того, чтобы провести альтернативные выборы.

Количество избранных на конференцию делегатов всегда на несколько человек превышало количество присутствовавших. Доля отсутствующих делегатов в 1960-е годы колебалась в пределах 1-4% (9–27 чел.), в 1970-е – 0,2–0,4% (2–4 чел.), что свидетельствовало о высокой партийной дисциплине, обеспеченной, вероятно, и более тщательным контролем со стороны соответствующих представителей обкома. Несмотря на официальные заверения об уважительных причинах отсутствия ряда делегатов, можно допустить, с большей долей вероятности для 1960-х годов, в качестве одной из причин протестное «голосование ногами».

Официальным способом выражения независимого мнения служило тайное голосование при выборах новых членов обкома. В 1960-е годы количество голосов «против» отдельных кандидатов колебалось от 7 до 28, составляя округлённо от 1 до 5% от общего количества голосовавших. В 1970-е годы наблюдается большее единодушие: 1–3 голоса «против» (0,1–0,3%) от всех проголосовавших. Кроме того, в 1970-е годы никто из «первых лиц» города и области не получил «чёрных шаров», в отличие от предшествующего периода. Вряд ли это связано с утаиванием реальной картины счётной комиссией. Можно предположить, что подавляющему большинству делегатов 1970-х годов было присуще политическое безразличие.

Сравнительный анализ ряда характеристик состава обкома в 1960-е и в 1970-е годы необходимо проводить в относительных, а не абсолютных величинах, т.к. количественно комитет увеличился за это время почти в полтора раза. Женщины – члены обкома всегда составляли 18–19%, несмотря на стабильный рост женщин-коммунистов в Ленинградской партийной организации. Чуть больше (18–20%) в 1960-е годы в обкоме было

представителей рабочих, а колхозников заметно меньше – 2–3%. В 1970-е годы рабочих насчитывалось 23–24%, а колхозников (точнее, совхозных рабочих) – те же 3%. Сохранение на определённом уровне этих категорий свидетельствует об искусственном отборе их в члены обкома по политическим критериям.

Стабильным с незначительными колебаниями в 1960-1970-е годы оставалось количество представителей военных органов, комсомола, совета профсоюзов, КГБ, что также говорит о плановом формировании, в основу которого был положен должностной критерий.

Заметно усилили свои позиции в партийном аппарате руководители предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства: с 3–4% в 1960-е годы до 8–8,5% в 1970-е, что свидетельствует об увеличении технократической прослойки, вызванным форсированным ростом промышленности, в первую очередь тяжёлой и ВПК.

Тенденцию к увеличению в составе обкома обнаруживают на рубеже 1970-1980-х гг. представители науки, культуры, просвещения и здравоохранения. На наш взгляд, одна из причин заключалась в росте прослойки руководителей крупнейших вузов и НИИ, что объяснялось взятым в те годы курсом на союз науки и производства.

С течением времени среди членов обкома уменьшалась доля партийных работников: с 42–47% в 1960-х годах до 36–41% в 1970-х. В основном сокращение шло за счет секретарей крупнейших парткомов города, хотя «пострадали» и первые секретари райкомов города и области и горкомов области. Парадоксальность ситуации объясняется, вероятно, фиксированным количеством членов обкома и увеличением представителей некоторых упомянутых категорий.

Требования к ротации кадров согласно Уставу КПСС выдерживались и в 1960-е, и в 1970-е годы. Вместе с тем часть членов обкома избиралась в его состав более трёх сроков, что дозволялось Уставом для партийных работников, обладавших признанным авторитетом, высокими политическими и организаторскими качествами. При этом они занимали во властно-управленческой структуре разные должности.

Анализ процесса выборов и его результатов показывает господство формального подхода на безальтернативной основе при образовании руководящего партийного органа областного уровня. Кроме того, можно говорить о проведении политики квотирования, основанной на гендерном, должностном, либо на политическом (классовом) признаках. Выборы в 1960-х и в 1970-х годах, с одной стороны, характеризуются преемственностью, с другой – определёнными различиями.

Влияние городского пространства на досуг человека (на материалах Ленинграда 1950 – 1960-х гг.)

На протяжении 1950 – 1960-х гг. вне рабочее время человека постоянно возрастало, что обуславливалось реформой рабочего дня, начавшейся в конце 1950-х гг. Увеличение данной категории бюджета времени в большей степени, чем ранее, потребовало от партийных, советских органов и профсоюзных организаций правильной организации свободного времени человека, поскольку именно досуг выступал площадкой, в рамках которой можно было инкорпорировать человека в социокультурную и политико-идеологическую среду. Для решения этой задачи учреждения культуры начинают разрабатывать новые методики, подходы и формы отдыха, результативность которых зависела от многих факторов (психологических особенностей человека, бытовых условий его жизни и т.д.). Вместе с этим, как подчеркивают советские и российские специалисты, важным условием эффективной работы с человеком выступает организация городского пространства.

Со второй половины 1950-х гг. как в СССР, так и в Ленинграде начинается отход от планирования городской среды, основанного на районе, и внедрение нового структурного звена – микрорайона. Именно с этого времени одной из основ городского ландшафта становятся учреждения культуры, а стремление рационально организовать досуг человека выступает одной из магистральных линий Генеральных планов городов.

Обращение к ленинградскому материалу демонстрирует, что, несмотря на сложности и трудности, которые возникали при реализации положений Генерального плана, новые подходы к планированию городского пространства способствовали повышению качества организации отдыха жителей Ленинграда.